

УДК 008
ББК 71.02

О.Ю. АСТАХОВ, О.В. РТИЩЕВА

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК В ОБЗОРЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Л. УАЙТА

Олег Юрьевич Астахов,

Кемеровский государственный институт культуры,
кафедра культурологии,
профессор
Ворошилова ул., д. 17, Кемерово, 650056, Россия

кандидат культурологии, доцент
E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Оксана Владимировна Ртищева,

Кемеровский государственный институт культуры,
кафедра иностранных языков,
доцент
Ворошилова ул., д. 17, Кемерово, 650056, Россия

кандидат философских наук, доцент
E-mail: ortishheva@mail.ru

Реферат. В статье характеризуется механизм языковых практик как проявление способности символизации в контексте культурологических обобщений Л. Уайта, рассматривающего культуру в качестве самодостаточного феномена, определяющего развитие человека. Актуальность рассмотрения этого вопроса диктуется необходимостью выявления пре-

дельных детерминант культуры, обеспечивающих устойчивость ее развития. Анализ специфики символического выражения языковых практик в теории Л. Уайта сопровождается определением культуры как феномена экстрасоматического характера. Язык рассматривается как условие существования культуры, а его действенный характер, проявляющийся в артикулируемой речи, — как способ обнаружения новых смыслов, обеспечивающих развитие культуры. В этих рассуждениях актуализируются идеи о действительности языкового высказывания. Выявляются мыслеформирующие возможности языкового символа в его кумулятивном и прогрессивном развитии, что соответствует логике рассуждений исследователя об эволюционной динамике культуры. Взгляд Л. Уайта на языковые практики в организации культурного континуума детерминируется их ориентированностью на прогрессивное целенаправленное эволюционное развитие в его материальном воплощении, что выражается в конкретной способности символизации, определяющей человеческое поведение.

Ключевые слова: культурология, язык, речь, знак, символ, культура, эволюционизм, детерминизм, экстрасоматический контекст.

Для цитирования: Астахов О.Ю., Ртищева О.В. Символическое выражение языковых практик в обзоре культурологических идей Л. Уайта // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 3. С. 278–283.

Рассмотрение культурологических идей американского антрополога Л. Уайта определяется рядом проблем и противоречий, связанных с переосмыслением в современной гуманитаристике содержательных оснований культуры. В этой связи внимание акцентируется на культурологии как науке, открывающей, по замечанию В.М. Диановой, новый мировоззренческий дискурс, способствующий переосмыслению философского знания в категориях культуры, формирующих интерес к исследованию «культурных концептов», «концептосферы», когнитивных особенностей познания и восприятия мира [1].

Не случайно В.М. Межуев, характеризуя современное положение наук, указывает на «культурологический бум», когда культура стала объектом всеобщего внимания и озабоченности, и Л. Уайт наглядно демонстрирует этот назревающий исследовательский культуроцентризм XX века [2]. Актуальным становится вопрос определения содержания культурологического знания, которое диктуется характером выявляемых оснований культуры. В связи с этим, выявляя определенные самодетерминанты культуры, по замечанию Ю.В. Ларина, надо «иметь мужество всякий раз вновь и вновь ставить не только любое определение культуры, но и саму культуру под самую что ни на есть радикальную методологическую процедуру сомнения как некую далеко не окончательную реальность, данную раз и навсегда в том виде как она есть; чтобы, наконец, исходя из этого... предвидеть, прогнозировать возможные «сценарии» и перспективы его развития» [3, с. 128]. Подобная ситуация обуславливает сложность определения содержательных оснований культуры, требующих рефлексии, которая может способствовать утрате понимания ее бытийного смысла. Актуализация субъектных представлений о мире порождает игру интерпретационных ценностей, открывающих релятивизм отношений в объяснении смыслов и значений культуры.

Задача исследования, связанная с рассмотрением механизма формирования символического содержания языковых практик как способа осуществления регулятивных оснований в культуре, определяется необходимостью обзора культурологических идей Л. Уайта с учетом двух аспектов изучения культуры: культуры как рефлексии, порождающей вариативность ее толкования, и культуры как самодостаточного явления, открывающего возможность ее понимания в бытийном значении. Интеграция этих аспектов, сопряженная с попыткой

примирить идеалистические и материалистические установки автора, способствует преодолению критических стереотипов о противоречивом содержании культурологической концепции Л. Уайта.

В предисловии к одной из своих фундаментальных работ «Наука о культуре» (1949) американский исследователь пишет: «Стало очевидным, что культура — это не просто рефлекторная реакция на среду обитания, не простое и непосредственное проявление человеческой природы. Сложилось понимание того, что культура — это континуум, поток событий, свободно текущий сквозь время от одного поколения к другому, а в горизонтальном направлении — и от одной расы или среды обитания к другой расе или среде» [4, с. 8]. По аналогии с физической формой реальности, определяемой соответствующей минимальной единицей (атомом, протоном и т. д.), биологической, характеризующейся клеткой, Л. Уайт наделяет культуру самостоятельными чертами, связанными с функционированием символов в следующих отношениях:

- ♦ временное — история культуры или история цивилизации;
- ♦ пространственно-временное — культурная эволюция;
- ♦ пространственное — повторяющиеся культурно-детерминированные процессы человеческого общества [4, с. 30].

Американский исследователь исключает рассмотрение культуры в зависимости от человека, акцентируя внимание на ее самостоятельном бытии. Критикуя современные антропологические концепции, в которых культура отождествляется с психологической или социальной реальностью, Л. Уайт утверждает необходимость определения самостоятельного статуса культуры вне зависимости от человеческого волеизъявления: «Многие наши “лучшие умы” по-прежнему все еще рассуждают так, как если бы судьбы цивилизации находились в руках человека и им было бы суждено потерпеть крах или обрести спасение в зависимости от того, каким именно будет выбор его собственной воли... А наша культура развивается и изменяется в соответствии со своими собственными законами. Как только мы перерастем наше примитивное и ребяческое представление о нашем господстве и начнем изучать природу культуры, в которой мы живем, наше представление о нас самих станет, вероятно, менее лестным, но зато мы научимся устраивать нашу жизнь более рационально и эффективно» [4, с. 127]. Фактически Л. Уайт отвергает антропоцентрические предпосылки культуры, согласно которым человек — творец культуры, а всякий ее элемент — результат его творческого акта.

Однако автор не исключает рассмотрение системы взаимоотношений человек — культура и связывает ее с функционированием символов. Опреде-

ляя смысл содержательного наполнения культуры, Л. Уайт вводит термин «simbling» для обозначения символического выражения класса явлений экстра-соматического характера. В соответствии с этим автор отмечает, что «культура составляет супрабиологический или экстрасоматический класс событий, процесс *sui generis*» [4, с. 27]. В этом случае ключевой способностью человека является открытие символических смыслов, формирующих содержательное поле культуры.

По замечанию Л.А. Калантарян, ученый обосновывает необходимость дифференциации подходов к реализации этой способности символизации. Первый связан с символизацией во взаимоотношении с соматическим контекстом, что отражает «человеческое поведение», изучаемое психологией, второй подход определяется экстрасоматическим контекстом, что выражается обращением к «культурным чертам», изучаемым культурологией [5]. Н.И. Ромахи и Т. Беленикина утверждают, что, несмотря на различие существующих подходов, психология и культурология в концепции Л. Уайта дополняют друг друга. Эти науки являются одинаково важными для осмысления того, что человек характеризуется с позиции своей уникальности, при этом дескриптивный подход к изучению отношений человека и культуры дополняется символическим, что формирует новизну исследования Л. Уайта [6].

Таким образом, культурологический анализ явлений экстрасоматического характера неизбежно обуславливается рассмотрением способности символизации, обеспечивающей динамику развития культуры. И.В. Левитская отмечает, что в культурологических обобщениях Л. Уайта вопросы происхождения культуры и самого человека разумного рассматриваются не через хрестоматийные идеи о создании орудий труда как ведущего фактора становления человека, а через появление его способности символизации как основного средства деятельности, обеспечивающего формирование кумулятивного и непрерывного опыта жизни через обращение к традициям [7, с. 7]. Эти идеи во многом явились продолжением рассуждений Э. Кассирера о возникновении символов как главном условии развития человека, однако Л. Уайт в духе позитивизма акцентирует внимание на действенном содержании символов: «человек использует символы, чего не делает ни одно другое живое существо. Организм или обладает способностью символизировать, или не обладает; никаких промежуточных стадий здесь нет» [4, с. 37]. Поэтому сознание человека отличается не мерой и степенью, а фундаментальной особенностью символизации, которая, по мнению А.Я. Флиера, указывает на то, что в основании формирования таких символических (образных) представлений лежит потребность разума в системном объяснении сложности наблюдаемого мира [8].

В связи с этим встает вопрос о механизмах реализации символической природы сознания человека, которые Л. Уайт связывает с действием особых событий: «Категория (или порядок) явлений “культурного” составляется из тех событий, которые зависят от присущего человеческому виду свойства использовать символы. Этими событиями являются идеи, верования, языки, инструменты, приспособления, обычаи, чувства и институты, которые составляют цивилизацию (или культуру, если использовать антропологический термин) всякого народа невзирая на время, место и степень развития» [4, с. 27]. Особое положение в этом перечне явлений занимает язык, рассматриваемый автором как условие существования культуры, открывающее возможность символического общения. Л. Уайт пишет: «Одним словом, без символического общения в той или иной форме мы не имели бы культуры. В “Слове было начало” культуры — а также ее продолжение» [4, с. 46]. И если слово знаменует собой появление культуры, то возможность языковой коммуникации, по мнению автора, есть не что иное, как проявление способности символизации.

Обращаясь к примеру, когда испанские завоеватели впервые встретились с ацтеками, и обе стороны не владели общим языком, исследователь пишет, что «и испанцы, и ацтеки смогли обнаружить смыслы другой стороны и оценить ее ценности. Но это было сделано не сенсорными средствами. Каждый смог проникнуть в мир другого лишь благодаря той способности, для которой у нас нет лучшего названия, чем “символ”» [4, с. 38]. Эта ситуация для автора является свидетельством того, что разграничение сенсорно воспринимаемой физической формы слова и его значения становится условием существования слова как символа, который необходимо отличать от знакового образования. В случае чувственного постижения слова, когда его значение отождествляется с физической формой, слово функционирует как знак.

На примере соотношения голосового стимула и реакции Л. Уайт характеризует механизм действия знака: «В *знаковом* поведении мы видим, что при *установлении* связи между стимулом и реакцией природа реакции не детерминируется свойствами, внутренне присущими стимулу. Однако после того как связь уже установлена, значение стимула становится таким, *как если бы* оно было внутренне присуще его физической форме» [4, с. 40]. В связи с этим можно научить любое животное выполнять голосовые команды, которые воспринимаются как стимулы для соответствующей реакции. «Человек отличается от собаки — и от всех прочих живых существ — тем, что *он может играть и действительно играет активную роль в определении того, какое значение должен иметь голосовой стимул, а собака этого не может*, — пишет Л. Уайт. — *Собака не игра-*

ет и не может играть активной роли в определении значения голосового стимула» [4, с. 40–41]. Следовательно, отличие человека заключается в том, что благодаря языковым практикам он способен не только принимать, но и транслировать новые значения, имеющие символический характер.

Действенный характер языковых практик, реализующих способность символизации, проявляется в артикулируемой речи, благодаря которой обнаруживаются новые смыслы, определяющие развитие культуры. «Артикулируемая речь — это сама форма символического выражения, — утверждает Л. Уайт. — Устраните из культуры речь — и что тогда останется?» [4, с. 45]. В этом случае, рассуждает исследователь, оказывается невозможной социальная, политическая, экономическая, церковная, военная организация; «никаких сводов этикета или этики; никаких законов; никакой науки, богословия или литературы; никаких игр или музыки, кроме как на уровне обезьяны. Без артикулируемой речи не имели бы смысла обряды и церемониальные принадлежности» [4, с. 45–46]. Ключевым моментом в рассуждениях автора об артикулируемой речи является рассмотрение ее как прогрессивной деятельности, что делает поведение человека символическим.

Соответственно при наличии этих символических установок, ориентированных на развитие человека, в практике невербальной коммуникации также возможно обретение культурных смыслов и значений. В качестве примера Л. Уайт описывает случай с Э. Келлер, которая в раннем возрасте в результате болезни стала слепой и глухой. Ее развитие оказалось возможным в результате преодоления прямой связи письменного обозначения слова и его чувственного ощущения и открытия того, что «все имеет свое имя». Исследователь описывает ситуацию открытия слова не только как знака, но и как символа следующим образом: «Однако теперь эти слова были уже чем-то большим, чем просто знаки, какими они являются для собаки и какими они были для Элен до того момента. Они были символами. Элен наконец нащупала и повернула тот ключ, который впервые открыл для нее вход в новую вселенную — в мир человеческих существ» [4, с. 50].

Таким образом автор акцентирует внимание на том, что различия вербальной и невербальной коммуникации снимаются установками на прогрессивность развития человека, способного к символизации. Рассуждения исследователя об артикулируемой речи следует рассматривать как указание на прогрессивную действенность языкового высказывания: «Артикулируемая речь означает обмен мыслями; обмен мыслями означает сохранение — традицию, а сохранение означает накопление и прогресс» [4, с. 51]. В этой логической цепочке, характеризующей значение артикулируемой речи,

Л. Уайт связывает воедино два вектора действия: сохранение и целенаправленное развитие. Подобные выводы отражают установку автора на рассмотрение динамики культуры как эволюционное развитие, хронологическая последовательность которого определяется поступательной трансформацией культурных форм. Если развитие языка для Л. Уайта — это показатель символического аспекта развития культуры, функциональную целостность ее динамики исследователь связывает с ростом количества используемой энергии, отражающим уровень ее энергообеспеченности. В соответствии с этим американский ученый выделяет ряд факторов, определяющих степень развития культуры:

1) количество энергии, добываемой на душу населения в год;

2) эффективность технологических средств, с помощью которых энергия добывается и вводится в действие;

3) количество благ и услуг, произведенных для удовлетворения потребностей человека [4, с. 393].

Перечень выделенных факторов выступает свидетельством обращения Л. Уайта к принципам технологического детерминизма, определяющим методологию его исследований. В связи с ориентированностью на эти установки он формулирует базовый закон культурной эволюции: «Культура развивается по мере увеличения количества энергии, добываемой на душу населения в год, или по мере увеличения эффективности инструментальных средств ввода энергии в действие» [4, с. 394].

Указание на значимость энергетизма культуры в рассуждениях Л. Уайта можно рассматривать как поиск универсального синтеза в объяснении эволюционного развития культуры. Признавая решающую роль энергетического базиса, исследователь фактически отождествляет уровень технологического и культурного развития, что способствует выявлению конкретных механизмов развития культуры на пути мультипликативной эволюции. В связи с этим автор утверждает, что каждому способу «обуздания энергии» соответствуют определенные культурные ценности, идеология общества. Следуя этим материалистическим обобщениям, Л. Уайт сумел продолжить традиции классического эволюционизма; утверждение эволюционного принципа развития культуры явилось одной из главных черт концепции американского исследователя [9].

Взгляд исследователя на языковые практики в организации культурного континуума детерминруется их ориентированностью на прогрессивное целенаправленное эволюционное развитие в его материальном воплощении, что выражается в конкретной способности символизации, определяющей человеческое поведение. «Человеческое поведение — это символическое поведение, — пишет Л. Уайт, — если оно не символическое, то оно и не

человеческое. Детеныш рода *Homo sapiens* становится человеческим существом лишь тогда, когда он вступает в тот порядок явлений, каким является культура, и участвует в нем. Ключ к этому миру и средство соучастия в нем — символ» [4, с. 51]. В свою очередь язык выступает в роли механизма символизации, открывающего человеку возможность открытия новых смыслов и значений, имеющих свой самостоятельный бытийный статус.

Таким образом, значение выводов Л. Уайта состоит в определении онтологического статуса языка как первичной символической системы для человеческого сознания, в рассмотрении центральной роли слова в качестве основной символической единицы языка, отличающейся от знакового образования, в выявлении специфики функционирования языка с точки зрения культурологической значимости. В этих умозаключениях отчетливо проявляется необходимость решения ряда актуальных задач лингвокультурологии, связанных с изучением соотношения культурных универсалий с языковой вариативностью, отражающей способность символизации в практике речевых артикуляций, способствующих выстраиванию коммуникативных стратегий, ориентированных на сохранение и развитие культуры. При обращении к понятию символа Л. Уайта в современных исследованиях реализуется ориентированность на выявление культурологического компонента в языковых практиках, что подчеркивается дифференциацией физического обозначения и содержательного обозначаемого в структуре языкового высказывания и является условием открытия культурологического значения через символику выражения. Такой подход ориентирован на изучение языковых явлений в контексте реализации культуры как самостоятельного образования, обладающего онтологическим статусом. При рассмотрении

языка в аспекте экстрасоматического образования культуры актуализируется роль его мыслеформирующей возможности одновременно в кумулятивном и прогрессивном развитии, что соответствует логике рассуждений Л. Уайта об эволюционной динамике культуры.

Список источников

1. Дианова В.М. К проблеме самоопределения культурологического дискурса // Обсерватория культуры. 2012. № 1. С. 4–7.
2. Культурология как наука: за и против : круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. / науч. ред. А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. 102 с.
3. Ларин Ю.В. Пролегомены к культурологии. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. 144 с.
4. Уайт Л. Избранное. Наука о культуре. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 960 с.
5. Калантарян Л.А. Фундаментальные проблемы современной культурной антропологии. Культура как объект философского осмысления // Kant. 2012. № 2(5). С. 110–113.
6. Ромах Н.И., Беленикина Т. Становление культурологии на Западе [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2009. № 14. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/391-article_19-6.html (дата обращения: 04.08.2016).
7. Левитская И.В. Концепция культурологии Л. Уайта: Pro et contra // Вестник СамГУ. 2011. № 1(82). С. 5–10.
8. Флиер А.Я. Символ в культуре: генезис — функции — значимость // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1, № 1. С. 94–99.
9. Астахов О.Ю., Шикалева И.А. Принципы детерминизма в культурологической методологии Л. Уайта // Вестник КемГУКИ. 2014. № 27. С. 62–66.

THE SYMBOLICAL EXPRESSION OF LANGUAGE PRACTICES IN THE REVIEW OF LESLIE WHITE'S CULTUROLOGICAL IDEAS

OLEG YU. ASTAKHOV *,
OKSANA V. RTISHCHEVA **

Kemerovo State Institute of Culture, 17, Voroshilova St.,
Kemerovo, 650056, Russia

E-mail: * astakhov_oleg@mail.ru,

** ortishheva@mail.ru

Abstract. The article characterizes the mechanism of language practices as a manifestation of the symbolization abil-

ity in the context of the culturological generalizations by L. White, who considered culture as a self-sufficient phenomenon defining the human development. This question is relevant because of the need to identify the ultimate determinants of culture, which ensure sustainability of its development. The author analyzes the specificity of the symbolical expression of language practices in the theory of L. White and carries out the approach to defining culture as an extrasomatic phenomenon. In this context, the language is considered as a requirement for culture existing, and its active character, manifested in articulated speech — as a method for discovering new meanings providing culture development. The ideas of language statements efficiency are updated in these considerations. The article identifies the capabilities of the language symbol, in its cumulative and progressive develop-

ment, to form thoughts, which corresponds to the reasoning of L. White on evolutionary dynamics of culture. In this vein, the view of L. White on the language practices in establishing cultural continuum is determined by their focusing on the progressive targeted evolutionary development in its material embodiment, which is reflected in the specific abilities of symbolization, forming human behavior.

Key words: cultural studies, language, speech, sign, symbol, culture, evolutionism, determinism, extrasomatic context.

Citation: Astakhov O.Yu., Rtishcheva O.V. The Symbolical Expression of Language Practices in the Review of Leslie White's Culturological Ideas, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 278–283.

References

1. Dianova V.M. K probleme samoopredeleniya kul'turologicheskogo diskursa [The Problem of Self-Determination of Cultural Discourse], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2012, no. 1, pp. 4–7.
2. Guseinov A.A., Zapesotsky A.S. (eds). *Kul'turologiya kak nauka: za i protiv: kruglyi stol*, Moskva, 13 fevralya 2008 g. [Culturology as a Science: Pros and Cons: Round Table, Moscow, February 13, 2008]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2009, 102 p.
3. Larin Yu.V. *Prolegomeny k kul'turologii* [Prolegomena to Culturology]. Tyumen, Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 2002, 144 p.
4. White L. *Izbrannoe. Nauka o kul'ture* [Selected Works. The Science of Culture]. Moscow, "Rossiiskaya Politicheskaya Entsiklopediya" (ROSSPEN) Publ., 2004, 960 p.
5. Kalantaryan L.A. Fundamental'nye problemy sovremennoi kul'turnoi antropologii. Kul'tura kak ob'ekt filosofskogo osmysleniya [Fundamental Problems of Modern Cultural Anthropology. Culture as an Object of Philosophical Understanding], *Kant*, 2012, no. 2(5), pp. 110–113.
6. Romakh N.I., Belenikina T. Stanovlenie kul'turologii na Zapade [The Formation of Cultural Studies in the West], *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 2009, no. 14. Available at: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/391-article_19—6.html (accessed 04.08.2016).
7. Levitskaya I.V. Kontsepsiya kul'turologii L. Uaita: Pro et contra [L. White's Conception of Culturology: Pro et Contra], *Vestnik SamGU* [Bulletin of Samara State University], 2011, no. 1(82), pp. 5–10.
8. Flier A.Ya. Simvol v kul'ture: genesis — funktsii — znachimost' [A Symbol in Culture: the Genesis — Functions — Significance], *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 1, no. 1, pp. 94–99.
9. Astakhov O.Yu., Shikaleva I.A. Printsipy determinizma v kul'turologicheskoi metodologii L. Uaita [Determinism Principles in Culturological Methodology of L. White], *Vestnik KemGUKI* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, no. 27, pp. 62–66.



Выставка «Москва, 1917. Взгляд с Ваганьковского холма»

15 июня — 20 сентября 2017 года

Подлинные предметы мебели, скульптуры, книги, картины, принадлежавшие Румянцевскому музею, плакаты, журналы и газеты, выпущенные в 1917 г., фотографии, сделанные сто лет назад, и листовки, подобранные сотрудниками музея на близлежащих улицах, возрождают в стенах Ивановского зала дух Румянцевского музея и картину революционной Москвы времен великого перелома.

Москва, ул. Воздвиженка, 3/5, стр. 7,
Ивановский зал Российской государственной библиотеки,
вход из Староваганьковского переулка